

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотени городскихъ училищъ.

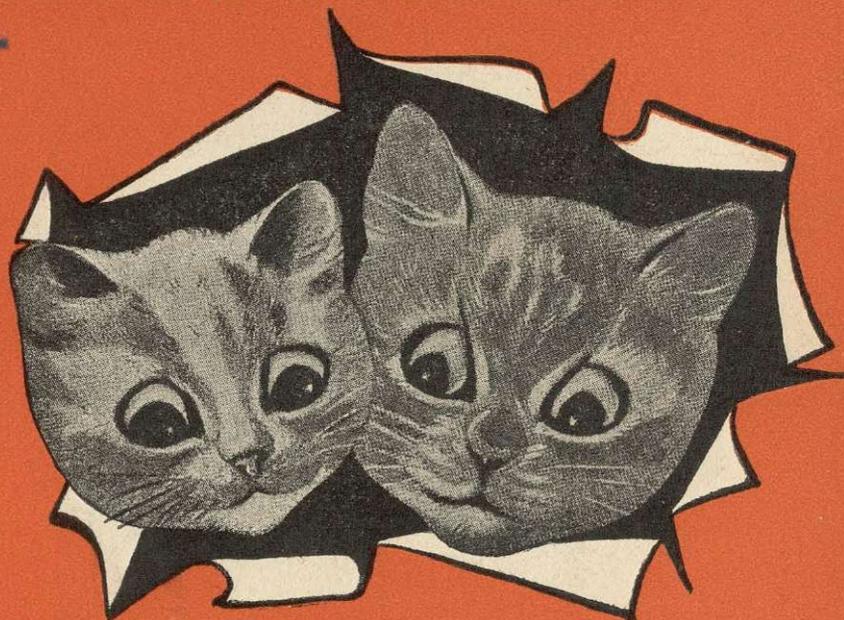
XVI $\frac{45}{10}$

Годъ изданія третій

ІЮНЬ

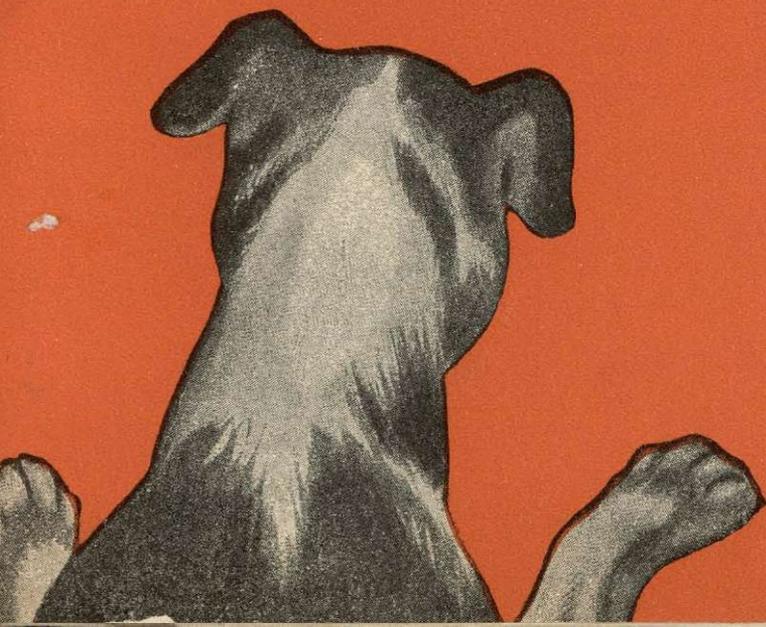
№ 15.

1910.



ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ СТУЖУ.
БѢЛЫЙ ГОЛУБОКЪ.
УТРО.
ЛИЗА И ЛИЗЕТА (окончаніе).
ГОЛОВОЛОМКИ, РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Сѣдая старина» (легенды о быломъ), соч. А. Г. Гербертсонъ (листъ 6-й съ раскрашенной картинкой).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



Полётъ на воздушномъ шарѣ.

ВЪ СТУЖУ.

Идутъ дожди... Что день, то хуже, Замолкло все кругомъ въ природѣ,
Совсѣмъ погода ужъ не та, Ужъ птицъ не слышно, не поютъ...
И отъ осенней, острой стужи Ужъ нѣтъ работъ на огородѣ,
Дохнешь—и паръ идетъ изъ рта. Дожди идутъ, идутъ, идутъ.

И грустно, грустно такъ, что даже
Готовъ съ отчаянья рыдать.
О, солнце милое, когда-же,
Когда засвѣтишь ты опять?...

Кузнечикъ.

БѢЛЫЙ ГОЛУБОКЪ.

Двѣсти шестнадцать лѣтъ тому назадъ, на берегу Чудскаго озера стояла небольшая усадьба. Въ ней жилъ небогатый человекъ, котораго звали Алексѣй. Онъ былъ нѣмецъ. У него гостила маленькая его крестница и племянница Марта Скавронская, мать которой осталась дома въ Курляндіи. Дѣвочка часто гуляла по лѣсистому берегу озера, прислушиваясь къ плеску его волнъ или-же бросая въ него вѣтки, и слѣдила, что слѣдуетъ съ ними или куда унесетъ ихъ отъ берега вода.

— «Куда тебя-то унесутъ волны жизни?» думалъ ея дядя, глядя на нее.— «Сохрани тебя, Господь!».

Больше всего Марта любила играть съ бѣлымъ голубкомъ, который какъ-то случайно залетѣлъ къ ней еще

въ Курляндіи, да такъ и остался съ нею навсегда. На ножкѣ у него была привязана къ-мъ-то голубенькая ленточка. Это была довѣрчивая птичка, садившаяся къ Мартѣ на плечо и ласкавшаяся къ ней.

На другомъ берегу озера стояла еще одна усадьба, очень богатая, въ которой жилъ знатный бояринъ Рандовъ. Онъ пріѣзжалъ сюда обыкновенно только на лѣто, съ дѣтьми, изъ Новгорода. Усадьба эта была такъ далеко отъ хутора Алексѣя, что ее чуть было видно на горизонтѣ на томъ берегу, но, несмотря на это, молодые господа, дѣти Рандова, часто переплывали озеро на лодкѣ и катались около самага дома нѣмца Алексѣя. Къ Рандовымъ пріѣзжали иногда въ гости обѣднѣвшіе москов-

скіе бояре Петровы, тоже съ дѣтьми, и тогда начиналось катаніе по Чудскому озеру съ утра до вечера.

Такъ было и теперь. Черезъ озеро переплыла большая лодка, полная юныхъ пассажировъ. Въ ней сидѣли сынъ Рандова — двѣнадцатилѣтній Иванъ и его сестры, и пріѣхавшіе къ нимъ въ гости мальчики и дѣвочки Петровы. Рулѣмъ правилъ Митя Петровъ—ровесникъ Вани.

Лодка причалила къ самому хутору Алексѣя. Въ это время Марта стояла на берегу со своимъ бѣлымъ голубкомъ и кормила его съ ладони зернышками.

Замѣтивъ голубка, всѣ мальчики и дѣвочки вдругъ въ одинъ голосъ закричали:

— Ахъ, какой хорошенькій голубокъ! Дѣвочка, дай его намъ!

Ваня выскочилъ изъ лодки на берегъ и, желая выхвалиться передъ своими гостями, подбѣжалъ къ Мартѣ и приготовился выхватить у нея изъ рукъ голубка.

Она приняла это за шутку и отвернулась.

— Отдай сейчасъ-же! крикнулъ на нее Ваня.

Улыбка слетѣла съ лица Марты.

— Не дамъ! твердо отвѣтила она, испугавшись взгляда Вани, и сдѣлала два шага назадъ.

— Какъ ты смѣешь? воскликнулъ онъ.—Вѣдь ты—простая дѣвочка, а я—сынъ боярина и ты не смѣешь мнѣ возражать! Подай сюда голубка!

Дѣвочка высоко приподняла свою

бѣлокурую головку и твердо и съ достоинствомъ отвѣчала:

— Я вамъ его не отдамъ.

Ваня замахнулся на нее весломъ. Но не успѣлъ онъ еще опустить его, какъ изъ лодки выскочилъ Митя и схватилъ его за плечо.

— Стыдись, Иванъ! воскликнулъ онъ.—Вѣдь ты бояринъ! Не постыпай-же, какъ холопъ!

Но размахнувшійся Иванъ уже не въ силахъ былъ удержать своего весла и оно всею тяжестью ударило Митю прямо по головѣ. Мальчикъ закачался и безъ чувствъ опустился прямо на песокъ.

Все это произошло такъ неожиданно и такъ быстро, что дѣти испугались; испугался и самъ Иванъ. Въ ужасѣ они побѣжали обратно къ лодкѣ, сѣли въ нее и, бросивъ Митю одного, быстро уплыли къ себѣ домой.

Прійдя въ себя, Митя поднялъ голову и съ недоумѣніемъ оглядѣлся по сторонамъ. Его товарищей не было. Около него стояла на колѣняхъ одна только маленькая Марта и плакала. Голубокъ сидѣлъ у нея на плечѣ. Митя собрался съ силами, улыбнулся и поднялся на ноги. Къ счастью, кромѣ синяка на лбу, ударъ весломъ не повлекъ за собою никакихъ другихъ послѣдствій. Митя былъ сразу только немного ошеломленъ.

— Не плачь, обратился онъ къ Мартѣ.—Не нужно! Вѣдь это пустяки!

И, увидѣвъ у нея на плечѣ голубка, онъ добавилъ:

— Я радъ, что заступился за твоего голубка.

— Какъ тебя зовутъ? спросила его Марта, переставъ плакать.

— Митя Петровъ... Я изъ Москвы.

— Пойдемъ къ намъ въ домъ. Дяденька дастъ тебѣ меду, и поблагодарить тебя за меня.

Они вошли въ домъ. Марта рассказала своему дядѣ о происшествіи и онъ серьезно, нахмуривъ брови, выслушалъ ее и сказалъ:

— Спасибо тебѣ, бояринъ, что ты заступился за нее. Только жаль, что все это случилось около моей усадьбы и изъ-за этого голубка. Теперь старый бояринъ Рандовъ обидится на насъ и сдѣлаетъ намъ какую-нибудь непріятность. Вѣдь мы нѣмцы, а онъ знатный русскій и можетъ сдѣлать съ нами, что захочетъ.

А тѣмъ временемъ у Мити шишка на лбу дѣлалась все больше и синѣе. Дядя Марты далъ ему мѣдную деньгу, чтобы приложить ее ко лбу, и сказалъ, что это помогаетъ, но изъ этого не вышло ничего. Затѣмъ Митя собрался домой.

— погоди, бояринъ, я тебя провожу самъ, обратился къ нему Алексѣй.— Тамъ будутъ беспокоиться о тебѣ, и я не хочу отпускать тебя одного.

И, не смотря на возраженія Мити, не желавшаго, чтобы Алексѣй его провожалъ, они сѣли въ лодку и поплыли въ усадьбу къ Рандовымъ.

Затѣмъ все потекло своимъ чередомъ. Ваню, конечно, наказали, и онъ

такъ обидѣлся за это на Митю и такъ возненавидѣлъ его, что Митя скоро уѣхалъ обратно со своими родителями къ себѣ въ Москву, а дядя Алексѣй по-прежнему остался въ своемъ хуторкѣ на берегу Чудскаго озера. Марта тоже скоро уѣхала съ голубкомъ къ своей матери въ Курляндію и тамъ еще долго вспоминала о томъ, что случилось когда-то на берегу.

Прошло тридцать лѣтъ. Шель 1724 годъ. Какъ разъ въ это время Великій Петръ управлялъ Россіей. Онъ основалъ уже Петербургъ, переселился въ него со всѣмъ своимъ дворомъ и прежняя столица Москва какъ-то сразу опустѣла. Съ тѣхъ поръ русскіе императоры стали постоянно жить уже въ новой столицѣ, а въ Москву ѣздили только короноваться и по дѣламъ.

Петръ Великій женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ и она стала русской императрицей. Онъ короновалъ ее въ Москвѣ и сталъ спѣшить затѣмъ въ Петербургъ, такъ какъ тамъ ожидали его дѣла. Пребываніемъ императрицы въ Москвѣ многіе спѣшили воспользоваться, такъ какъ она была очень проста со всѣми, охотно и ласково выслушивала просьбы и сердце ея было одинаково открыто для всѣхъ. Больше всего просили ея милости и заступничества для заключенныхъ, чтобы она походатайствовала объ ихъ освобожденіи, и она дѣлала все, что могла.

Съ такую же горячей просьбой

поднимались въ тотъ день къ императрицѣ по ступенямъ стараго кремлевскаго дворца и двѣ убитыя горемъ женщины. Одна изъ нихъ была блѣдная, со страдальческимъ выраженіемъ лица, а другая—стройная, молодая дѣвушка. Слезы ручьями текли изъ глазъ обѣихъ. Съ перваго же взгляда въ нихъ можно было узнать мать и дочь. Мужъ этой женщины и отецъ этой дѣвушки уже нѣсколько мѣсяцевъ томился въ тюрьмѣ и въ скоромъ времени съ остальными каторжниками подлежалъ отправленію въ Сибирь, на мѣсто ссылки, въ Томскъ. Тяжелая, непосильная работа, которой подвергались тогда преступники, желѣзные кандалы и мрачныя тюрьмы съ злокачественными болѣзнями—сводили преступниковъ безвременно въ могилу.

Когда мать и дочь шли къ императрицѣ, чтобы испросить ея милости, она прохаживалась въ это время взадъ и впередъ по своему будуару. Ей было тогда уже подъ сорокъ лѣтъ, но она все еще выглядѣла молодежавой, въ особенности въ своемъ бѣломъ, шелковомъ платьѣ, сшитомъ на парижскій фасонъ, съ брилліантовыми нитями на шеѣ и въ волосахъ. Императрица знала, что царь Петръ всегда любилъ, когда она одѣвалась помоднѣе, и всякій разъ, увидѣвъ ее въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, ласково называлъ ее:—«Ты мой бѣлый голубокъ». Она была въ хорошемъ расположеніи духа и, принимая просителей, старалась каждого изъ нихъ обла-

скать и сдѣлать для нихъ все, что могла. Какъ вдругъ къ ней церемонно вошелъ одинъ изъ ея придворныхъ и доложилъ ей, что ее желали-бы видѣть двѣ просительницы, до которыхъ теперь дошла очередь, но которыхъ онъ лично не считаетъ достойными разговора съ императрицей, такъ какъ человѣкъ, за котораго онѣ пришли просить, обвиненъ въ причастности къ бунту противъ царя. Хотя вина его, правда, и не доказана съ достаточною ясностью, однако обстоятельства сложились такъ, что онъ долженъ былъ быть обвиненъ и теперь подлежалъ ссылкѣ въ каторжныя работы въ Сибирь на всю свою жизнь.

— А кто на него донесъ?—спросила императрица.

— Иванъ Рандовъ, ваше величество,—отвѣтилъ придворный.

Императрица нахмурилась.

— Иванъ Рандовъ...—повторила она.—Иванъ Рандовъ... Кажется, я слышала когда-то это имя.—Это савановитый московскій баринъ, безсердечный ко всѣмъ, кто ниже его... Гордый и кичащійся своимъ древнимъ родомъ.

— Такъ точно, государыня...—отвѣтилъ придворный.

Императрица нахмурила брови и подумала.

— Вы говорите двѣ женщины?—спросила она наконецъ.

— Такъ точно. Двѣ женщины и обѣ въ слезахъ.

— Въ такомъ случаѣ—пусть войдутъ.

Придворный вышелъ и вслѣдъ затѣмъ къ императрицѣ вошли двѣ женщины и бросились къ ея ногамъ.

Императрица подняла ихъ.

— Встаньте!—сказала она.—Разскажите, въ чемъ ваше дѣло?

Еле сдерживая рыданія, мать стала разсказывать ей о постигшемъ ее несчастіи. Два года тому назадъ на ея мужа сдѣлалъ доносъ его личный врагъ Иванъ Рандовъ, который не могъ съ самого дѣтства простить ему того, что онъ когда-то заступился за какую-то дѣвочку, гдѣ-то на берегу какого-то озера, не захотѣвшую отдать ему голубка. Вслѣдъ затѣмъ явились солдаты, и увели его въ тюрьму. И теперь онъ, невиновный и не знающій за собою ничего, кромѣ преданности царю, уже два года сидитъ въ тюрьмѣ и скоро долженъ отправиться въ кандалахъ въ Сибирь.

— Онъ невиненъ! Онъ невиненъ!—воскликнула дочь и припала съ рыданіемъ къ ногамъ императрицы.

— Невиненъ?—быстро произнесла Екатерина.—А какъ его зовутъ?

— Дмитрій Петровъ,—робко отвѣтила мать.

— Дмитрій Петровъ,—удивилась императрица.—Изъ Москвы?

— Да, это и есть мой мужъ и отецъ моей дочери, которая стоитъ сейчасъ передъ вашимъ величествомъ.

Наступила глубокая тишина. Тихія рыданія дочери и съ трудомъ по-

давленные вздохи матери стали доноситься до императрицы какъ будто издалека. Передъ нею пронеслась вдругъ картина далекаго озера, съ маленькимъ хуторочкомъ на берегу и съ большою барскою усадьбой Рандовыхъ, виднѣвшуюся вдаль. Вотъ плыветъ по озеру лодка съ дѣтьми, вотъ она причаливаетъ къ берегу и изъ нея выходитъ мальчикъ съ злымъ выраженіемъ лица и требуетъ, чтобы она отдала ему голубка. Онъ замахивается на нее, дѣвочку, весломъ и готовъ уже ударить ее, какъ къ нему подскакиваетъ другой мальчикъ и принимаетъ ударъ на себя.

«Дмитрій Петровъ»... задумчиво повторяетъ императрица, вся отдавшись своимъ мыслямъ.

Потомъ, помолчавъ еще немного, Екатерина приказываетъ матери разсказать ей еще разъ всѣ обстоятельства дѣла.

— Если невиновность вашего мужа и отца будетъ доказана,—говоритъ она наконецъ,—то Господь сохранитъ и васъ, и его.

И, выждавъ, когда онѣ ушли, Екатерина бросилась въ кабинетъ къ своему мужу. Императоръ Петръ сидѣлъ у голландскаго стола и пересматривалъ какія-то бумаги. Увидѣвъ императрицу, стремительно вошедшую къ нему въ кабинетъ, онъ отложилъ бумаги въ сторону, засмѣялся и сказалъ:

— Мой бѣлый голубокъ летитъ ко мнѣ... Надѣюсь, съ доброй вѣстью? Да?

— Да,—отвѣтила Екатерина.— Я хочу рассказать тебѣ исторію о бѣломъ голубкѣ.

— Но въ этомъ бѣломъ платьѣ ты сама похожа на голубка!

Императрица сѣла рядомъ съ мужемъ и въ первую минуту не знала, какъ начать.

— Ну, что-же? — ободрилъ ее Петръ.— Говори, я буду тебя слушать. Я очень люблю сказки...

Она собралась съ мыслями и начала:

— Это вовсе не сказка. Это было. То, что я хочу рассказать тебѣ, дѣйствительно произошло когда-то на берегу Чудскаго озера, когда я еще была маленькой дѣвочкой.

Царь пристально взглянулъ на жену.

— Это интересно,—сказалъ онъ,— продолжай.

— Съ тѣхъ поръ прошло уже тридцать лѣтъ,—продолжала Екатерина.— Тогда я была еще простая, обыкновенная дѣвочка, которой даже и въ мысли не приходило никогда, что она впоследствии станетъ императрицей. На берегу Чудскаго озера стоялъ небольшой хуторокъ моего дяди. Онъ умеръ уже давно, умерла и моя тетя—его жена, и что теперь стало съ тѣмъ хуторкомъ,—я не знаю. Но дальше я буду продолжать мой рассказъ уже въ третьемъ лицѣ. Племянницу этого дяди звали Мартой. Къ ней откуда-то прилетѣлъ бѣлый голубокъ съ голубой ленточкой на ножкѣ и съ тѣхъ поръ Марта и голубокъ уже больше не расстава-

лись никогда. Однажды она сидѣла на берегу и играла со своимъ голубкомъ, какъ вдругъ замѣтила, что съ того берега отчалила лодка съ дѣтьми и направилась прямо къ ней. Съ любопытствомъ и довѣріемъ Марта подбѣжала прямо къ водѣ и стала глядѣть на дѣтей. Лодка причалила близко къ берегу, изъ нея вышелъ мальчикъ съ неприятными глазами и грубо потребовалъ, чтобы Марта отдала ему своего голубка. Съ негодованіемъ дѣвочка отвѣтила отказомъ. Тогда онъ замахнулся на нее весломъ...

— И кто былъ этотъ мальчикъ? — спросилъ у Екатерины Петръ.

— Иванъ Рандовъ, богатый новгородскій бояринъ, жившій въ усадьбѣ на томъ берегу.

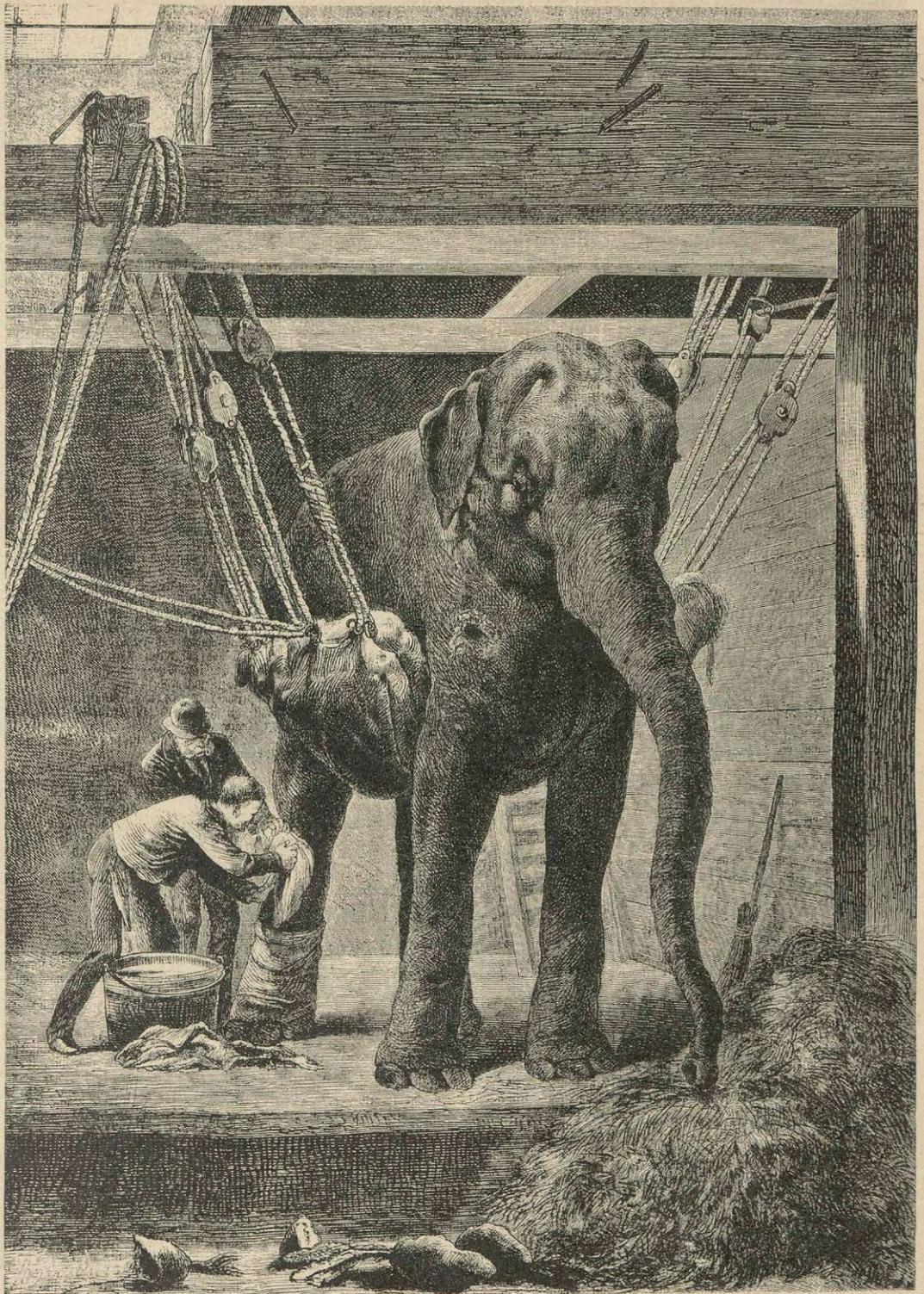
— Иванъ Рандовъ? — переспросилъ Петръ.— У меня въ войскахъ есть одинъ полковникъ Рандовъ, у котораго тоже неприятные глаза... Не онъ-ли это?

— Онъ самый и есть,—подтвердила Екатерина.— Но слушай дальше. Ударъ неминуемо пришелся-бы Мартѣ прямо по плечу, если-бы изъ лодки не выскочилъ вдругъ другой мальчикъ и не заслонилъ ее собой. Рандовъ ударилъ его весломъ прямо по головѣ. Бѣдный мальчикъ закачался и безъ чувствъ повалился прямо на песокъ... Ты знаешь, кто былъ этотъ другой?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Петръ.

— Это былъ Дмитрій Петровъ...

— Дмитрій Петровъ? — воскликнулъ императоръ.— Этотъ тяжкій



Лечение больного слона.



— Мой хорошенько!..

преступникъ, который ссылается теперь въ Сибирь? Этотъ измѣнникъ?

Екатерина вздохнула.

— Подожди еще осуждать его,— сказала она.—Сейчасъ у меня были его дочь и жена, которыя рассказали мнѣ обо всемъ. Полковникъ Рандовъ на него наклеветалъ. Этотъ жестокий человекъ до сихъ поръ не могъ простить ему того, что его, сына знатнаго боярина, когда-то наказали за то, что благороднѣе его оказался какой-то ничтожный москвичъ Дмитрій Петровъ! Разбери-же это дѣло вновь и заступись за этого несчастнаго Дмитрія Петрова, какъ онъ когда-то заступился за дѣвочку Марту и ея голубка!

Петръ Великій весело разсмѣялся.

— За то, что онъ заступился сразу за двухъ голубковъ?—спросилъ онъ.

— За двухъ?—удивилась Екатерина.—Нѣтъ, за одного.

— Но вѣдь ты—та самая Марта, которая когда-то ходила по берегу со своимъ голубкомъ! Теперь ты—императрица и я тоже называю тебя «бѣлымъ голубкомъ». Отсюда слѣдуетъ, что Дмитрій Петровъ заступился сразу за двухъ бѣлыхъ голубковъ!

И съ веселымъ смѣхомъ Петръ Великій протянулъ руку къ колокольчику и позвонилъ въ него. Явился камеръ-лакей.

— Подать мнѣ дѣло измѣнника Дмитрія Петрова!—приказалъ онъ.—Я самъ хочу его разобратъ.

Камеръ-лакей низко и почтительно поклонился и вышелъ изъ кабинета.

Скоро изъ юстицъ-коллегіи было подано императору это дѣло.

Императоръ раскрылъ его, обмакнулъ въ чернила перо и, не читая, поперекъ страницы написалъ: «Дмитрія Петрова освободить и наградить, а Ивана Рандова только для вида сослать въ Сибирь, чтобы онъ понялъ, какъ хорошо тамъ такимъ, какъ онъ».

Екатерина была въ восторгѣ. Она бросилась на шею къ своему мужу и не знала, какъ его благодарить. А затѣмъ она возвратилась къ себѣ въ гостиную и приказала привести къ ней Дмитрія Петрова. Она сама пожелала передать ему радостную для него вѣсть.

Часъ спустя, блѣдный и изможденный отъ двухлѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ, со слѣдами отъ тяжелыхъ кандаловъ на рукахъ и ногахъ, но сіявшій благодарностью и восторгомъ, передъ нею предсталъ самъ освобожденный узникъ. Онъ опустился на колѣни передъ своей императрицей и съ благоговѣніемъ припалъ къ ея рукѣ. Слезы текли у него по щекамъ.

— Успокойтесь, Петровъ,—милостиво сказала ему государыня.—Вспомните берегъ Чудскаго озера и маленькую дѣвочку, для которой вы спасли ея голубка! Уже тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но эта дѣвочка не забыла того, что вы приняли за нее ударъ.

Петровъ былъ пораженъ. Взглянувъ на императрицу, онъ старался найти въ ея чертахъ ту маленькую дѣвочку Марту, которую когда-то встрѣтилъ на берегу Чудскаго озера, и никакъ не могъ ее найти. Передъ нимъ стояла прекрасная, величественная царица, въ глазахъ которой свѣтилась безконечная доброта.

Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ и глазамъ. Да, онъ помнилъ то далекое теперь время, оно часто приходило ему на умъ, но чтобы помнила объ этомъ она, его императрица, онъ этого не предполагалъ!

— Неужели это вы? только и имѣлъ онъ словъ произнести.

— Да, это я, ласково отвѣтила ему императрица.—Я та маленькая Марта, къ которой вы когда-то отнеслись такъ хорошо. Я не мечтала тогда занять такое высокое положеніе, но Богу такъ было угодно, и я его заняла. Но это мнѣ не помѣшало быть благодарной и вотъ я хочу васъ поблагодарить.

Она подошла къ столу, раскрыла стоявшую на немъ шкатулку и вынула изъ нея нѣсколько драгоценныхъ камней.

— Передайте это отъ меня вашей дочери, а этотъ кошелекъ возьмите себѣ.

Петровъ съ изумленіемъ глядѣлъ

на императрицу и не зналъ, какъ ему поступить.

— А донесшій на васъ Рандовъ, продолжала императрица, будетъ за клевету наказанъ. Такъ приказалъ государь.

Петровъ снова опустился передъ нею на колѣни и слезы засвѣтились у него на глазахъ. Онъ положилъ передъ императрицею драгоценные камни и кошелекъ прямо на полъ и съ глубокимъ волненіемъ сказалъ:

— Ваше величество, позвольте просить у васъ милости, которая для меня дороже всего!

— Чего вы хотите?—спросила его императрица.

— Простите Рандова! Мнѣ будетъ тяжело сознавать, что онъ наказанъ изъ-за меня.

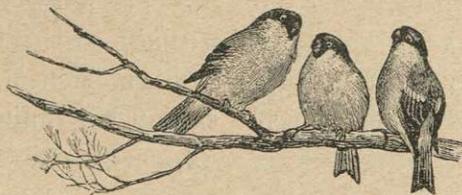
Екатерина взглянула на него и нахмурилась. Затѣмъ она провела рукою по глазамъ, какъ-бы стараясь смахнуть съ нихъ наверхушія слезы, и весело сказала:

— Довольно! Встаньте! Передайте ему, что голуби не умѣютъ мстить и что и онъ тоже свободенъ!

И, повернувшись къ нему спиною, она вышла изъ гостиной.

Онъ стоялъ среди комнаты на колѣняхъ и ему казалось, что все это онъ видѣлъ во снѣ.

По «Herm. Froschko».



У Т Р О.

Часы пробили пять.
Ужъ солнце свѣтитъ ярко
И даже стало жарко;
Проснулась ужъ кухарка
И стала прибирать.

Часы пробили шесть.
Погасла ужъ лампадка,
Но дѣти спятъ такъ сладко,
Что можно ихъ съ кровати
Постаскивать и снестъ.

Часы пробили семь.
Но дѣтки спятъ и даже
Ихъ крѣпче сонъ и сладче...
— Ребятки, ну, когда-же
Проснетесь вы совсѣмъ?

Ирисъ.



ЛИЗА и ЛИЗЕТА.

(Повѣсть).

(Окончаніе).



Между тѣмъ графиня и Лиза пришли на задній дворъ. Здѣсь ихъ сразу же окружили куры, цыплята, гуси, утки, цесарки и индѣйки, которыя кричали, квохтали и гоготали во всю мочь. Тутъ же ходила и свинья съ поросятами, которые хрюкали и протягивали къ графинѣ свои тупыя мордочки съ пяточками на носахъ.

Лиза стала отъ радости кричать.

— Ты боишься? спросила ее бабушка.

— Нѣтъ, это я отъ радости, отвѣчала Лиза.— Я не боюсь даже коровъ! Графиня улыбнулась.

— Ты, я вижу, храбрая, сказала она.— Сейчасъ ты увидишь и корову.

— А телята у васъ есть?

— Есть и теленокъ.

— Вотъ хорошо-то! Я съ нимъ побѣгаю и поиграю.

— Да ты настоящая деревенская дѣвочка, моя крошка! воскликнула въ восторгъ графиня.— Это хорошо! Ты никогда не жила въ деревнѣ?

— У насъ на дачѣ таже деревня. У насъ есть своя корова, куры и теленокъ. Я ихъ каждый день кормлю сама. Они такіе всѣ славные и я такъ ихъ всѣхъ люблю!

— Вотъ какъ! улыбнулась графиня.—А вотъ наша Лизета боится къ нимъ даже подойти. Она боится всего.

— Она—знатная дѣвочка, отвѣтила Лиза,—а я простая деревенщина. Меня иногда такъ мама и зоветъ.

Графиня разсмѣялась.

— Кромѣ того, сказала она,—Лизета боится испачкать здѣсь свои платья и туфли.

— Да это и понятно, воскликнула просто Лиза.—У нея они не такая дрянь, какъ у меня.

— А ты хотѣла бы имѣть получше?

— Нѣтъ.

— Хочешь я нашью тебѣ шелковыхъ платьевъ и дорогихъ костюмовъ?

— Нѣтъ.

— Почему же?

Лиза опустила глаза и покраснѣла.

— Они меня стали бы стѣснять, отвѣтила она.—Теперь я бѣгаю, куда хочу, и могу играть даже со свиньей, а тогда я боялась бы за свои костюмы и скучала одна.

И, точно въ доказательство своихъ словъ, Лиза бросилась къ поросяткамъ и стала съ ними играть.

— Поищемъ яицъ, сказала графиня.—Есть такія плутовки куры, которыя несутъ ихъ вездѣ, кромѣ гнѣздъ. Посмотри подъ хворостомъ и подъ изгородью!

Лиза тотчасъ же исполнила приказаніе графини. Она подлѣзла подъ кучу хвороста и дѣйствительно нашла тамъ восемь яицъ.

— Мы ихъ прикажемъ сварить намъ къ завтраку, сказала графиня.

Ей доставляло удовольствіе увлеченіе ребенка и поэтому она, выйдя изъ задняго двора, нарочно сдѣлала кругъ, чтобы удлинить прогулку. Когда же онѣ вернулись въ домъ, то было уже десять часовъ. Генеральша



— Она знатная дѣвочка, отвѣтила Лиза,—а я—деревенщина.

Сумцова и ея дочь уже встали и дулись на то, что графиня ушла на задній дворъ безъ нихъ.

— Да вѣдь съ вашей Лизетой всякій разъ дѣлается дурно, воскликнула графиня,—когда она видитъ корову даже за версту отъ себя! Она не любитъ ходить на задній дворъ! Крикъ гусей и куръ раздражаетъ ей нервы!..

— Но вѣдь не каждый же день вы будете ходить туда? отвѣтила генеральша Сумцова.

— Именно каждый день. Въ особенности теперь, когда я нашла себѣ кое-кого, кто такъ же, какъ и я, любитъ животныхъ и хозяйство. Это мнѣ пріятно.

Генеральша Сумцова и ея дочь съ неудовольствіемъ посмотрѣли на Лизу. Она не замѣтила этого ихъ взгляда и пошла къ себѣ въ комнату. Здѣсь она взглянула на часы. Шелъ уже одиннадцатый часъ. Въ это время дома она обыкновенно играла на фортепiano и за послѣдніе три дня, пока она находилась въ дорогѣ и жила здѣсь, она еще ни разу не присѣла къ инструменту. И ей ужасно захотѣлось вдругъ поиграть. Она достала свои ноты и подошла къ графинѣ.

— Можно мнѣ поиграть на рояли? робко спросила она, предвидя отрицательный отвѣтъ.

— Сдѣлай одолженіе, дитя мое, съ готовностью отвѣтила графиня.— Пойди въ библіотеку, тамъ стоитъ другое піанино и ты можешь барабанить на немъ, сколько тебѣ угодно. А потомъ, послѣ игры, что ты намѣрена дѣлать?

— Дома я обыкновенно рѣшала задачи, которыя задавала мнѣ мама, а потомъ до завтрака читала.

— А затѣмъ?

— Затѣмъ я завтракала безъ мамы и играла съ Пушисткой и Тютюкой.

— Это твои собаки?

— Черная собака и бѣлая кошка.

— А послѣ этой игры?

— Я садилась читать сказки. Няня учила меня шить. Мама возвращалась къ четыремъ часамъ и давала мнѣ уроки по французскому языку, по рисованію и на фортепiano.

— А! ты умѣешь рисовать?

— Я нарисовала портреты Тютюки и Пушистки. Тютюка очень похожъ, а кошка все время шевелилась.

Строгая графиня весело и ласково посмотрѣла на дѣвочку, что еще болѣе раздосадовало генеральшу Сумцову.

— И отлично. Ты нарисуешь мой портретъ,—сказала она, съ улыбкой.

— Нѣтъ; я не умѣю рисовать лица. Я умѣю только животныхъ, цвѣты и деревья.

— А Лизета не можетъ похватать даже и этимъ. Она ничего не умѣетъ.

Лизета отвѣтила гордо и заносчиво:

— Мнѣ не придется быть учительницей въ школѣ.

— Какъ знать, моя дорогая? отвѣтила графиня. Судьба капризна. Но не будемъ говорить объ этомъ.

И, обратившись къ Лизѣ, графиня продолжала:

— Иди, дитя мое, занимайся. Въ одиннадцать часовъ явится мадамъ азель давать урокъ французскаго языка и я представлю ей тебя. Надѣюсь, что ты будешь у нея хорошо учиться. Иди же въ библіотеку. Тебѣ покажутъ дорогу.

Графиня позвала колокольчикомъ Катю и сказала ей:

— Проведи барышню въ библиотеку.

Обезпокоенная и разсерженная оборотомъ, который приняло дѣло, генеральша Сумцова обратилась къ Лизетѣ:

— Иди и ты тоже работать. И ты приготовь всѣ заданные тебѣ уроки къ одиннадцати часамъ.

Графиня не могла удержаться отъ улыбки.

— Превосходно,—сказала она про себя.—Подражаніе сдѣлаетъ свое дѣло. Я увѣрена въ этомъ.

Отдавъ принесенныя яйца прислугѣ, она прошла въ зимній садъ, помѣшавшійся между заломъ и библиотечкой, и сѣла въ кресло почитать на досугѣ журналы и газеты.

Отсюда слышно было фортепiano. Въ теченіе получаса Лиза играла гаммы и экзерсиціи и потомъ стала разучивать колыбельную пѣсню и другія пьесы.

— Да она уже довольно порядочно играетъ,—сказала про себя графиня удовлетвореннымъ тономъ.

И, какъ это и предвидѣла дѣвочка,—мысли ея невольно перешли съ нея на ея мать; но графиня не хотѣла на нихъ останавливаться: она не могла простить Лизиной мамѣ того, что когда-то на ней женился ея любимый племянникъ. Но она напрасно погружалась въ чтеніе: ея мысли не давали ей покоя. Она со-

знавала, что была къ Лизиной мамѣ не права.

Въ одиннадцать часовъ явилась французенка, мадмуазель Бомпарь. Графиня представила ей Лизу и урокъ начался. Учительница тотчасъ же замѣтила, что Лиза относится къ дѣлу серьезно и добросовѣстно, и похвалила ее.

Графиня, которая никогда до этого не присутствовала на урокахъ у Лизеты, теперь принесла свою работу и усѣлась тутъ же. Услышавъ, какъ хорошо читала Лиза по-французски и какъ скоро и остроумно переговаривалась съ французенкой на ея родномъ языкѣ, графиня обратилась къ Лизетѣ и спросила:

— Ну, а ты, моя голубушка, умѣешь такъ?

Лизета сконфузилась и опустила глаза.

— Она еще не умѣетъ, поспѣшила заступиться за нее мать,—но скоро будетъ умѣть.

— Ну, что жъ? Подождемъ—увидимъ... Только долго ли придется ждать?

Генеральша тоже смутилась и съ неудовольствіемъ поглядѣла на Лизу.

«И нужно же ей было пріѣхать сюда?» подумала она.

А Лизета тоже искоса посмотрѣла на Лизу и думала такъ:

«Принесло тебя сюда нехстати... Сидѣла бы тамъ у себя въ Москвѣ!..»

Но обѣ онѣ при графинѣ старались быть съ Лизой любезными и ласково улыбались ей, когда она

могла это замѣтить. Когда же графиня отворачивалась или уходила, то онѣ нисколько не стѣснялись и высказывали свое не-расположеніе къ дѣвочкѣ прямо въ глаза. А сама графиня какъ-то сразу вдругъ



Каждое утро онѣ совершали прогулки.

перемѣнилась: она стала менѣ сурова и менѣ строга, чѣмъ была раньше, до пріѣзда Лизы, и въ ея взглядѣ стала даже просвѣчивать нѣжность, когда ея глаза останавливались на Лизѣ.

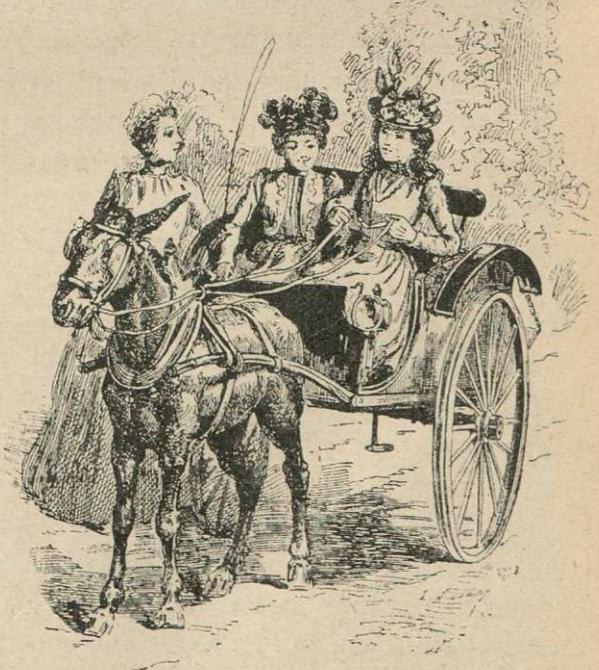
Но она все-таки старалась не заговаривать съ ней объ ея матери и всякій разъ мѣняла разговоръ, когда рѣчь заходила случайно о ней.

Каждое утро онѣ совершали длинныя прогулки, въ которыхъ съ большою неохотой и чуть не со слезами принимали участіе генеральша Сумцова и ея дочь. Лиза восхищалась моремъ и цѣлыми часами готова была простаивать на тѣхъ мѣстахъ, откуда открывался видъ на Ялту или на

ѣдущій пароходъ. Возвратясь домой, она тотчасъ же садилась за письмо къ своей матери, въ которомъ описывала ей людей и мѣста и сообщала ей все, что она дѣлаетъ и что происходитъ вокругъ нея. Ея же мать съ нетерпѣніемъ ожидала отъ нея этихъ писемъ и всякій разъ читала и перечитывала ихъ, счастливая уже тѣмъ, что Лиза не забывала ее и что графиня съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывалась къ ея Лизѣ.

А что графиня дѣйствительно привязывалась къ Лизѣ, замѣтили и батюшка отецъ Іоаннъ и его сестра и радовались въ душѣ.

— Это хорошо! говорилъ о. Іоаннъ



Бабушка подарила имъ коляску и осла.



— Не дуй, а то упадегы!

сестрѣ.—Это даже очень прекрасно. Графиня одинока, душа ея безъ дѣтей очерствѣла и теперь, глядя на милую пыплетку Лизу, растаетъ, какъ ледъ отъ солнечныхъ лучей. Я радъ за графиню и за Лизину мать.

Графиня въ самомъ дѣлѣ была довольна тѣмъ, что взяла къ себѣ внучку. Помимо всего, Лиза оказывала на Лизету такое благодѣтельное вліяніе, что Лизета скоро стала совсѣмъ неузнаваемой. Характеръ у

нея былъ по природѣ не злой, но баловство и безнаказанность сдѣлали свое, чтобы его испортить, и лучшія силы ея души дремали въ ней и ихъ некому было пробудить. И вотъ явилась Лиза, которая сумѣла всѣхъ къ себѣ расположить и на зло отвѣтила добромъ. Встрѣченная сначала недоувѣрчиво, она все болѣе и болѣе завоевывала себѣ расположеніе другихъ и скоро кончилось тѣмъ, что Лизета привязалась къ ней и стала

ей подражать. Въмѣсто того, чтобы тратить время на наряды и передѣванья, она стала интересоваться теперь тѣмъ, чѣмъ интересовалась Лиза, слушала исторіи, которая та читала или рассказывала ей, помогала ей вышивать и играла съ ней въ четыре руки. Обѣ дѣвочки вмѣстѣ стали разгадывать ребусы и шарады въ дѣтскомъ журналѣ, который присылался на имя Лизеты изъ Петербурга. Надъ разрѣшеніемъ многихъ, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ задачъ и головоломокъ приходилось нерѣдко задумываться даже и батюшкѣ о. Іоанну въ тѣ дни, когда онъ пріѣзжалъ навѣстить графиню. Получалось такимъ образомъ пріятное препровожденіе времени не только для дѣвочекъ, но и для взрослыхъ, и въ центрѣ этихъ игръ всегда находилась Лиза, которая умѣла разгадывать всѣ эти шуточные вопросы и головоломки лучше всѣхъ. Лизетѣ было это завидно и мало-помалу и она стала тоже интересоваться дѣломъ, поборола свою лѣнь и начала показывать замѣтные успѣхи.

Однажды мадмуазель Бомпаръ сказала:

— Дѣвочки, садитесь-ка за піанино, я нашла хорошенькую пьеску въ четыре руки. Ее легко разучить и въ то же время она будетъ вамъ полезна и по силамъ. Если Лизета постарается, то она выучитъ ее такъ-же, какъ и Лиза, и вы доставите своей бабушкѣ пріятный сюрпризъ.

— Мы сыграемъ ее въ Петровъ день, предложила Лиза,—въ день рожденія бабушки.

— Ну, вотъ и отлично, согласилась французенка.—У васъ впереди еще достаточно времени, чтобы разучить хорошенько эту пьеску.

— Я не съумѣю такъ скоро разучить ее, отвѣтила Лизета.—Очень мало времени.

— Если захотите, милая, то постараетесь и выучите.

— Хорошо, я буду стараться.

Гувернантка посмотрѣла на нее во всѣ глаза. Въ первый разъ еще за все время Лизета отвѣтила ей такъ просто и такъ ласково и безъ задора. И она притянула Лизу къ себѣ и съ благодарностью поцѣловала ее за Лизету.

Съ слѣдующаго-же дня обѣ дѣвочки принялись за работу. Для того, чтобы сюрпризъ вышелъ болѣе полнымъ и чтобы секретъ былъ соблюденъ, бабушку вовсе не впускали въ бібліотеку, да и она сама никогда не заходила туда, когда дѣти учились тамъ играть на піанино.

— Пускай себѣ бренчатъ!.. говорила она.—Все-таки заняты дѣломъ! А это лучше, чѣмъ недѣлать ничего.

Разучиванье пьесы быстро подвигалось впередъ. Пальцы Лизеты были недостаточно гибки и сама пьеса казалась ей состоявшей изъ однихъ только трудныхъ мѣстъ; но, глядя на Лизу, она старалась ей подражать и приложила всѣ свои старанія, чтобы успѣхъ получился полный.

Ожидаемый день рожденія бабушки наконецъ наступилъ. Передъ обѣдомъ, пользуясь тѣмъ, что старшіе уѣхали кататься, Лиза и Лизета побѣжали въ садъ, попросили у садовника Мустафы, чтобы онъ нарѣзалъ для нихъ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ, и украсили ими залу. Затѣмъ онѣ положили на столъ, за которымъ обыкновенно сидѣла графиня и держала на немъ свою работу, очки и журналъ, — приготовленные заранѣе подарки: каждая изъ дѣвочекъ нарисовала красками рисунокъ и кое-что вышила и сшила. Онѣ то и дѣло, какъ мышки, выбѣгали въ столовую и, когда было приготовлено все и столъ былъ накрытъ, усѣлись важно за рояль и стали ожидать возвращенія старшихъ.

Онѣ боялись, что сыграютъ отъ волненія дурно, и потому заранѣе старались набраться храбрости и плутовато поглядывали другъ на дружку.

Но вотъ послышался звукъ колесъ экипажа, на террасѣ раздались шаги и разговоръ. Это бабушка и генеральша вернулись съ катанья. Едва только графиня успѣла снять шляпу и войти въ столовую, какъ дѣвочки ударили по клавишамъ и стали играть. Это было очень неожиданно и забавно. Онѣ не сдѣлали ни одной ошибки и когда окончили пьесу и подошли затѣмъ къ бабушкѣ, чтобы поздравить ее, и сдѣлали передъ нею реверансъ, то старуха была такъ растрогана, что на глазахъ у нея

появились слезы. Она взяла Лизу за руку, поцѣловала ее въ обѣ щеки и въ лобъ и тихо, почти на ухо, ей сказала:

— Ты явилась ко мнѣ въ домъ, какъ ангелъ мира, какъ маленькая добрая волшебница, сумѣвшая всѣхъ обворожить.

И съ этого момента она еще крѣпче полюбила Лизу.

Поцѣловавъ затѣмъ нѣжно обѣихъ дѣвочекъ, бабушка усадила ихъ рядомъ съ собой.

— Спасибо вамъ, сказала она. — Лѣтъ двадцать никто не доставлялъ мнѣ такого удовольствія, какъ вы. За это и я не хочу оставаться передъ вами въ долгу. Я куплю для васъ колясочку, англійскую упряжь и осла. Куплю вамъ обѣимъ пополамъ. Катайтесь на немъ на здоровье!

Дѣвочки пришли въ восторгъ и захлопали въ ладоши. Какія очаровательныя поѣздки онѣ будутъ теперь совершать и какъ далеко будутъ ѣздить!

Даже сама генеральша Сумцова была тронута и съ благодарностью посматривала на Лизу. Она не ожидала, что ея Лизета можетъ достигнуть такого успѣха. И въ первый разъ въ жизни она крѣпко поцѣловала Лизу.

— Колясочка и осель будутъ принадлежать вамъ обѣимъ, сказала графиня. — А теперь я хочу сдѣлать вамъ по подарку каждой отдѣльно. Лизета, ты старшая, говори поэтому первая, чего ты хочешь?



Онѣ не сдѣлали ни одной ошибки.

— Колечко, отвѣтила Лизета.

— Хорошо. Ты получишь колечко.

А ты, Лиза?

Дѣвочка покраснѣла и опустила глаза.

— Миѣ не нужно ничего, бабушка, отвѣтила она.—То, чего-бы я желала, неисполнимо.

— Неисполнимо? удивилась графиня и тѣнь недоувѣрія покрыла вдругъ все ея лицо.—Значить, твои желанія такъ велики, что я не могу ихъ исполнить? Значить, ты такъ жадна?

Лиза покраснѣла еще больше и еще ниже опустила голову.

— Говори-же, чего бы ты желала? повторила бабушка.

— Повидаться съ мамой... чуть слышно отвѣтила Лиза.

И сдерживаемая долго тоска по матери вдругъ прорвалась въ Лизѣ наружу и она стала плакать. Но она тотчасъ-же овладѣла собой, смахнула слезы и, весело разсмѣявшись, выбѣжала изъ столовой.

Графиня посмотрѣла ей вслѣдъ и смутилась. Что-то новое, странное зашевелилось вдругъ у нея въ душѣ и ей, графинѣ, стало вдругъ неловко передъ этой слабенькой дѣвочкой, которую она полюбила, но которую въ то же время и лишила матери, и передъ той женщиной, которой она еще не знала, но у которой отняла дочь. И что-то похожее на упреки совѣсти почувствовала она въ душѣ и поняла вдругъ, что лишить Лизу ея матери, навсегда оставить Лизу у себя одну было такъ-же невозможно, какъ заставить эти горы сняться съ мѣста и попадать въ море.

Но какъ тутъ быть? Графиня полюбила Лизу, какъ свою родную дочь. Этотъ ребенокъ составлялъ теперь для нея единственную радость и разстаться съ нимъ навсегда, отпустить ее отъ себя она теперь была уже не въ силахъ.

Такъ какъ же быть? Что теперь дѣлать?

Она старалась отогнать отъ себя эти мысли, но онѣ назойливо возвращались къ ней опять.

На слѣдующій день на дворъ къ графинѣ привели коляску и осла, и

съ этого дня, подъ присмотромъ горничной Кати, дѣвочки стали совершать свои прогулки по окрестностямъ. Осель былъ ихъ, онѣ любили и ласкали его, не смотря на то, что онъ, какъ и вся его братія, обладалъ упрямствомъ и неохотой иной разъ идти. Но онъ былъ такой милый, съ такими славными глазами, что его маленькія хозяйки охотно прощали ему его недостатки и катались на немъ даже тогда, когда онъ вовсе не хотѣлъ бѣжать, а шелъ шажкомъ.

Такъ потянулись дни за днями и наконецъ прошло три долгихъ мѣсяца, какъ Лиза поселилась у бабушки-графини. И чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ дни для Лизы становились все длиннѣе и длиннѣе, она все думала о своей мамѣ, скучала по ней, страдала въ душѣ и ея имя было у нея постоянно на устахъ. Оставаясь въ своей комнатѣ одна, она начинала разговаривать вслухъ съ отсутствующей матерью, жаловалась ей на свое одиночество, хотя она была и не одна, и просила ее, чтобы она приснилась ей во снѣ. Два или три раза это подмѣтила графиня и едва могла себя побороть: у нея навертывались слезы.

— Нѣтъ,—шептала она про себя.— Насильно милъ не будешь... Эта дѣвочка страдаетъ и я виновата во всемъ... Неужели-же придется пригласить къ себѣ ея мать?

И останавливаясь въ раздумьѣ, она качала головой и тихо говорила:

— Я должна ее пригласить!

Однажды въ воскресенье, во время обѣдни, Лизѣ вдругъ показалось, что она видитъ свою мать. Сердце у нея забилось и она еле могла выстоять на ногахъ. Она обернулась, посмотрѣла въ тотъ уголокъ церкви, гдѣ стояла милая, дорогая фигура подъ вуалью, и протерла себѣ глаза. Нѣтъ, это ей не приснилось. Это дѣйствительно была ея мать. Соскучившись по своей дочери, чувствуя себя одинокою и не будучи въ состояніи переносить разлуку, она пріѣхала въ Ялту, чтобы взять къ себѣ обратно свою дочь.



— Вы ея мать? спросила графиня.

Пароходъ пришелъ утромъ, она ѣхала съ пристани въ гостинницу и вдругъ увидала по дорогѣ щегольской экипажъ: въ немъ сидѣли графиня, генеральша Сумцова, Лизета и Лиза. Она тотчасъ-же узнала ее, хотѣла крикнуть ей, но сердце у нея забилося, она не сумѣла воспользоваться минутой и экипажъ промчался мимо нея. Тогда она стала слѣдить, куда онъ поѣхалъ. И когда онъ остановился около собора, она поспѣшно наняла номеръ, сложила въ него свои вещи, переодѣлась и отправилась и сама туда-же. Тамъ она стала въ дальнемъ уголкѣ и оттуда любовалась на свою дочь. Когда Лиза замѣтила и узнала ее и хотѣла броситься къ ней на шею и прижать ее къ сердцу, она украдкой кивнула ей головой, чтобы Лиза сдержала себя и не показывала и вида о томъ, что ея мама въ Ялтѣ.

Сердце Лизы такъ и прыгало отъ радости. Она стояла, какъ на иголкахъ, вертѣлась и то и дѣло перемигивалась съ матерью, посылая ей свои взгляды и улыбки. А затѣмъ весь день, когда пріѣхали домой, она была такъ весела, такъ распѣвала во весь голосъ и такъ носилась по всѣмъ комнатамъ, что даже графиня замѣтила это и спросила:

— Да что съ нею такое?

— Она что-нибудь уронитъ сегодня или разобьетъ!—подтвердила и генеральша.

На другой день Лиза подъ тысячу предлогами выбѣгала въ садъ,

въ надеждѣ, что ея мама прогуливается гдѣ-нибудь около ихъ дачи и что она увидитъ ее хоть мелькомъ. Она не ошиблась въ этомъ, и дѣйствительно не только увидѣла ее и послала ей воздушный поцѣлуй, но даже и успѣла сказать ей быстро:

— Милая мамочка, я безъ ума отъ счастья. Приходи завтра къ маленькой калиткѣ въ паркѣ. Я постараюсь улизнуть послѣ завтрака и открою тебѣ. Насъ никто не увидитъ. Мнѣ такъ хочется обнять тебя...

И ни той, и ни другой даже не приходило и въ голову, что графиня изъ окна своей комнаты видѣла, какъ онѣ разговаривали между собою черезъ рѣшетку, и сразу догадалась, кто была прогуливавшаяся дама.

На другой день послѣ завтрака генеральша и Лизета уѣхали съ визитомъ на чью-то дачу за нѣсколько верстъ отъ Ялты; графиня по обыкновенію ушла въ свою комнату отдохнуть, а Лиза одна и свободная, какъ птичка, выпорхнула на свиданіе. Она отворила калитку и такъ и упала въ объятія къ своей мамѣ.

Какъ онѣ цѣловались! Имъ казалось, что онѣ никогда еще не любили другъ дружку такъ крѣпко, какъ любятъ теперь.

Онѣ усѣлись рядышкомъ на траву и стали разговаривать между собою, какъ двѣ птички.

— Мнѣ хотѣлось-бы, — сказала Лиза, — сидѣть вѣчно съ тобою такъ вдвоемъ и никогда болѣе не разставаться. Графиня такъ добра, что

она можетъ быть согласилась бы на это...

Въ этотъ моментъ вѣтви раздвинулись и предъ ними предстала сама графиня.

Мать и дочь были поражены.

У графини былъ строгій видъ, но она не казалась сердитой. Она только спросила:

— Вы ея мать?

Г-жа Жуковская отвѣтила наклоненіемъ головы. Лиза выступила впередъ.

Это было страшное мгновение. Если графиня сейчасъ не приметъ ея маму, то и она сейчасъ-же уйдетъ съ нею и оставитъ свою бабушку навсегда.

Графиня смотрѣла на нихъ обѣихъ, не говоря ни слова и наконецъ ласково спросила:

— Зачѣмъ вы пріѣхали сюда? Отчего заранѣе не написали?

— Я и Лиза не можемъ жить другъ безъ друга,—отвѣтила мать.

Лиза бросилась на шею къ графинѣ и нѣжно прижалась своею щекою къ ея старой морщинистой щекѣ.

— Отчего вы не любите моея мамы?—сказала она и слезы заструились у нея по щекамъ.

Графиня на секунду закрыла глаза, какъ будто бы она слышала слова дѣвочки гдѣ-то внутри своей души. Потомъ она притянула къ себѣ Лизу и крѣпко обняла ее. Послѣ этого она взглянула на ея мать, улыбнулась ей и ласково проговорила:

— Дайте мнѣ вашу руку, племянница, и простите меня. А теперь—

пойдемте домой. Я говорю «домой», потому что эта дача будетъ вашимъ домомъ. Лиза больше не разстанется со мною, а вы не разстанетесь съ Лизой. Забудьте тѣ непріятности, которыя я причинила вамъ, и поселитесь со мною навсегда!

Радостныя, счастливыя, довольныя, онѣ всѣ трое обнялись и стали плакать.

— А няня Агаша?—вдругъ встрепенулась Лиза. — А Пушистка? А Тютька? Значитъ онѣ останутся подъ Москвой?

— Нѣтъ, — твердо отвѣтила бабушка,—мы пошлемъ за ними и всѣхъ ихъ перевеземъ сюда.

И съ этой минуты въ виллѣ «Ай-Петріанѣ» поселилось счастье.

А что-же стало потомъ?

Потомъ? Поѣзжайте въ Ялту и спросите тамъ: кому принадлежитъ теперь роскошная вилла «Ай-Петріана»?

И вамъ отвѣтятъ: Елизаветѣ Александровнѣ Жуковской.

Это та самая дама, которая когда-то была Лизой.

Графиня уже умерла, Лизета вышла замужъ и уѣхала съ матерью и съ мужемъ въ Петербургъ, няня Агаша еще жива и не нарадуется на свою госпожу и ея дочь, Тютьки уже нѣтъ на свѣтѣ, а Пушистка стала уже такъ стара, что плохо видитъ и цѣлыми днями лежитъ на окнѣ и грѣется на солнцѣ.

Время идетъ своимъ чередомъ.

М. В.

КОНЕЦЪ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Изъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять только по одному слову и составить изъ этихъ словъ фразу, которою начинается очень извѣстная басня Крылова:

1) Не то бѣда, что вмѣсто хлѣба выросла лебеда а то двѣ бѣды, что не выросло ни хлѣба, ни лебеды.

2) Коль кошки стануть воровать, то не тяни мышей къ допросу!

3) По случаю праздника у насъ пекли сегодня пироги.

4) Сыро; подожди, когда начнетъ проясняться, тогда и пойдемъ гулять.

5) Что есть въ печи, то и на столѣ мечи!

6) Въ этомъ домѣ живетъ знаменитый сапожникъ, нажившій боль-

шое состояніе своимъ собственнымъ трудомъ.

II.

До какихъ поръ можетъ прожить ворона?

III.

Даны три слова:

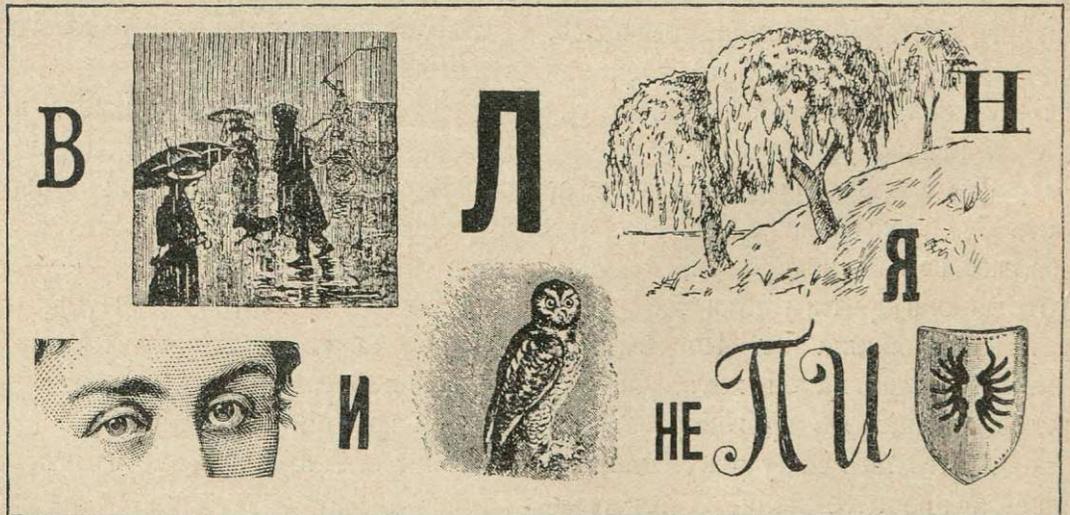
1) — ал — = маслянистое вещество.

2) — усл — = то, что даетъ направленіе рѣкѣ.

3) — ор — = то, что защищаетъ деревья отъ вліянія погоды.

На мѣстахъ черточекъ поставить буквы такъ, чтобы первая и послѣдняя буквы каждаго изъ этихъ словъ составили собою слоги. Всего, слѣдовательно, выйдетъ три слога. Составить изъ этихъ слоговъ новое слово, означающее названіе птицы.

РЕБУСЪ № 8.



Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ—въ **Конторѣ** журнала „Золотое Дѣтство“, **С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3**; б) для городскихъ подписчиковъ—въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40) и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій).

➡ **Подписной годъ съ 1-го ноября.** ➡

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.